

*Посвящается
Робину, Кристи и Оливеру*

ПЯТНИЦА

Много лет назад, когда еще не было объездной дороги, шоссе пролегалo по центральной улице деревни, и бесконечный поток грохочущих машин, казалось, вот-вот вытрясет душу из прелестных домиков, построенных в духе времен королевы Анны, и небольших магазинчиков с выступающими вперед окнами. Тогда, не так уж и давно, Вудбридж был просто деревней, которую нельзя было миновать.

Но после того как проложили объездной путь, все изменилось к лучшему, говорили местные жители. Наоборот, к худшему, считали владельцы магазинчиков, гаражей и хозяин придорожного кафе, куда частенько заходили водители большегрузных автомобилей.

Зато теперь обитатели Вудбриджа, отправляясь за покупками, могли переходить главную улицу, не опасаясь за свою жизнь и не беря на короткий поводок своих собак. В выходные дни дети в коричневых бархатных кепочках, надвинутых по самые брови, восседая на разномастных лохматых скакунах, отправлялись в местные клубы любителей езды на пони, и жители деревни уже не раз устраивали на свежем воздухе всякого рода встречи и мероприятия,

как, например, дружеские чаепития и благотворительные базары. Придорожное кафе, где прежде обедали водители, стало дорогим гастрономическим магазином, ветхая табачная лавка была куплена кичливым молодым человеком, который приторговывал антиквариатом, а викарий уже начал строить планы проведения праздника по случаю трехсотлетия небольшой старинной церкви. И Вудбридж зажил прежней жизнью. Он вернул себе то, что было свойственно ему всегда.

Холодным февральским утром, когда стрелки часов на церковной башне показывали без десяти двенадцать, выдавший виды «вольво» завернул за угол и медленно поехал по главной улице Вудбриджа между широкими мощеными тротуарами. Сидевший за рулем молодой мужчина, не обращая внимания на грохочущий поток транспорта, окинул взглядом весь протяженный пустынный ее изгиб, увидев радующую глаз нерегулярность в расположении домов и магазинов с выступающими эркерами, манящую перспективу и видневшиеся вдали, обрамленные ивами луга.

Высоко в зимнем небе плыли, наползая друг на друга, облака, и слышался гул самолета, направлявшегося к аэродрому Хитроу. В остальном все было тихо и спокойно; казалось, вокруг ни души. «Вольво» миновал недавно покрашенный паб с лавровыми деревцами в кадках по обе стороны от входной двери, парикмахерскую «Карл Кауфнер», винный магазин с эркером из бутылочного стекла и антикварную лавку, забитую старинными вещами, свидетелями лучших времен, с сильно завышенными ценами.

Мужчина подъехал к знакомому дому. Остановил машину у края тротуара и выключил мотор. Гул самолета затих после легкого рокотания, и снова воцарилась утренняя тишина. Залаяла собака, и на дереве с робкой надеждой запела птица, сбитая с толку бледным солнечным светом, очевидно приняв его за приход весны. Мужчина вылез из машины, хлопнув дверцей, и стоял, глядя на плоский симметричный фасад дома с приятными пропорциями и входной дверью с веерообразным окном наверху. Дом стоял вровень с тротуаром, к входной двери вела небольшая каменная лестница, а высокие окна были плотно задернуты гардинными шторами.

«Это был дом, который никогда не выдавал своих секретов», — подумал человек.

Он поднялся по ступеням и позвонил в дверь. Медная пластина вокруг звонка была начищена до блеска, так же как и львиная голова с дверным молотком. Дверь, недавно покрашенная в желтый цвет, весело блестела, и на ее поверхности не было ни единого пузырька или царапины. На лужайке возле дома в тени было холодно. Он поежился, хотя и был в теплой куртке, и позвонил снова. Почти тотчас же послышались шаги, и желтая дверь распахнулась. На пороге стояла молодая девушка с сердитым лицом; вид у нее был такой, будто ее оторвали от важных дел досадным звонком и она хочет поскорее к ним вернуться. У нее были длинные светлые, как молоко, волосы. Девушка была в майке с коротким рукавом, под которой угадывалась детская округлость фигуры, в переднике, гольфах и красных кожаных ботинках на деревянной подошве.

— Вам кого?

Он улыбнулся и сказал «доброе утро». Досада и нетерпение на ее лице тут же растаяли и уступили место совсем другому выражению: она увидела, что он не из тех, кто продает уголь или собирает пожертвования для Красного Креста; это был высокий представительный молодой человек с бородой викинга, в чистых, тщательно выстиранных джинсах.

— Скажите, миссис Арчер дома?

— Мне очень жаль. — На лице девушки было написано искреннее сожаление. — Она уехала в Лондон. За покупками.

На его взгляд, ей было лет восемнадцать, а акцент говорил о том, что она приехала из Скандинавии, вероятнее всего из Швеции.

— Значит, не повезло, — сказал он, надеясь, что в его голосе прозвучит искреннее огорчение. — Мне нужно было позвонить или еще как-то связаться с ней, но я решил воспользоваться случаем и заехать. Думал застать ее дома.

— А вы друг миссис Арчер?

— Видите ли, я близко знал Арчеров несколько лет назад. Но в последнее время мы как-то потеряли связь. Я возвращаюсь в Лондон с юго-запада, и по пути мне вдруг пришла в голову мысль навестить старых знакомых. Ну ничего. Это не важно.

Он стал нерешительно пятиться назад. Как он и рассчитывал, девушка постаралась его задержать, сказав:

— Когда она вернется, я скажу ей, что вы заезжали. Она будет дома как раз к чаю.

В этот момент часы на церковной башне пробили полдень.

— Сейчас только двенадцать. Я не могу так долго ждать. Ну ничего. Может быть, мне скоро еще раз

придется ехать мимо. — Он оглядел улицу. — Здесь где-то было небольшое кафе...

— Его уже нет. Теперь там гастроном.

— Не беда. Куплю бутерброд в пабе. А то я уже проголодался. — Он улыбнулся ей с высоты своего роста. — До свидания. Очень приятно было познакомиться.

И повернулся, как бы собираясь уйти. Он чувствовал, что она колеблется, думает, как быть; ему казалось, он сам направляет ее мысли.

— Я бы могла...

Стоя одной ногой на верхней ступеньке, он обернулся:

— Могли бы что?

— Вы и вправду старый друг семьи?

Ей очень хотелось поверить ему.

— Конечно. Но мне нечем это подтвердить.

— Видите ли, я только что собиралась приготовить что-нибудь к обеду для себя и малыша. Могла бы приготовить и на вашу долю.

Он укоризненно поглядел на нее, и она покраснела.

— А вы бесстрашная девушка. Уверен, вас уже не раз предостерегали от разговоров с незнакомыми мужчинами, которые звонят в дверь.

Девушка растерялась. Ей и вправду твердили это не раз.

— Все дело в том, что, если вы действительно друг миссис Арчер, она, наверное, была бы рада, если бы я пригласила вас в дом.

Видно, ей скучно и одиноко. Всем девушкам-иностранкам, приезжающим изучать английский язык, одиноко и скучно, ибо им приходится за стол

и квартиру выполнять всю работу по дому. Такова их участь.

— Так можно попасть в беду.

Девушка невольно улыбнулась:

— Надеюсь, со мной этого не случится.

— А что, если я украду столовое серебро или начну приставать к вам с самыми постыдными намерениями?

Странно, но такая возможность не вызвала у нее никакого беспокойства. Скорее, она приняла его слова за шутку и совсем успокоилась. Даже хихикнула с видом заговорщицы:

— Только попробуйте. Я закричу, и на помощь мне сбежится весь город. Здесь в Вудбридже все знают всё и обо всех. Секретов нет ни от кого.

Она отступила назад и широко распахнула желтую дверь.

Он слегка помедлил — ровно столько, чтобы его нерешительность была замечена, — и пожал плечами. Затем со словами: «Ну что ж, отлично» — он переступил порог и последовал за ней. На лице у него было такое выражение, словно он с большой неохотой наконец уступил уговорам. Девушка закрыла входную дверь. Он посмотрел ей в лицо сверху вниз:

— Ответственность за последствия ложится на вас.

Взволнованная этим маленьким приключением, она снова засмеялась и тоном радушной хозяйки предложила:

— Не хотите ли снять пальто? — Она взяла его куртку и повесила ее. — Пожалуйста, проходите в кухню. Может быть, выпьете пива?

— Спасибо, с удовольствием.

Она пошла по коридору, который вел вглубь дома к современной кухне, выходящей окнами в сад, залитый бледными лучами зимнего солнца. В кухне был идеальный порядок, все сияло чистотой: яркие поверхности, сверкающая плита, нержавеющая сталь и полированные панели из тикового дерева. Пол был выложен белыми и голубыми плитками, похожими на португальский кафель. На подоконнике стояли цветы, а стол возле окна был накрыт к обеду. Он увидел высокий детский стул, яркий пластик на столе, маленькие ложечки и керамическую кружку.

— Так вы присматриваете за малышом?

— Да.

Она стояла возле холодильника, доставая для него банку пива. Потом закрыла холодильник и направилась за оловянной кружкой, висевшей около вымытого до блеска соснового посудного шкафа.

— За внуком миссис Арчер.

— И как его зовут?

— Томас. Том.

— А где он сейчас?

— В кровати. Он отдыхает. Через минуту-другую я поднимусь и принесу его сюда. Ему пора обедать.

— А сколько ему лет?

— Два года.

Девушка подала гостю оловянную кружку и банку пива. Он открыл ее и аккуратно, без пены, налил пиво в кружку.

— Он, вероятно, гостит здесь у бабушки, да? Я хотел сказать, его родители, должно быть, в отъезде?

— Нет, он здесь живет. — Ее улыбающееся с ямочками лицо опечалилось. — Это грустная история. Его

мать умерла. — Она нахмурилась. — Странно, что вы этого не знали.

— Я же говорил, что давно не виделся с Арчерами. Мне очень жаль.

— Погибла в авиационной катастрофе, когда возвращалась домой после отдыха в Югославии. Она у них была единственной дочерью.

— Так, стало быть, они взяли внука к себе?

— Да.

Он отхлебнул холодное и очень вкусное пиво.

— А что же его отец?

Девушка повернулась к нему спиной и склонилась к плите, что-то там рассматривая. Кухня наполнилась таким аппетитным запахом, что у него даже слюнки потекли. До сих пор он не ощущал, до какой степени проголодался.

— Они жили врозь, — сказала она. — Я о нем ничего не знаю.

Она закрыла плиту, выпрямилась и снова окинула его настороженным взглядом:

— Думаю, что и это вам должно быть известно.

— Нет, я ничего не знал. Меня некоторое время не было в Англии. Уезжал — сначала в Испанию, потом в Америку.

— Понятно. — Она посмотрела на часы. — Ничего, если я вас оставлю ненадолго? Мне пора идти за Томасом.

— Да, если вы уверены, что я не имею намерения покуситься на ложки.

Его поддразнивания привели ее в хорошее настроение, и она снова улыбнулась:

— Не думаю, что вы способны на такое.

Она была олицетворением здоровья и свежести. Как стакан молока.

— Как вас зовут?
— Хельга.
— Вы шведка?
— Да.
— Арчерам повезло, найти такую помощницу не легко.

— И мне повезло. Это хорошее место, они ко мне очень добры. Некоторым девушкам плохо живется. Я знаю немало примеров.

— Днем вы, наверное, ходите на занятия?
— Да. Изучаю английский и историю.
— Вы прекрасно освоили английский.
— Еще я изучаю литературу. Сейчас мы проходим Джейн Остин.

Она была так довольна собой, что он засмеялся.

— Ну, Хельга, несите сюда малыша. Может, он и не хочет есть, а я так умираю с голода.

Она почему-то снова покраснела и ушла, оставив его одного в сверкающей чистотой кухне.

Он ждал. Слышал, как она поднялась наверх, вошла в комнату. Потом он услышал ее спокойный голос, затем звук раздвигаемых штор. Он поставил кружку с пивом и, тихонько ступая в своих ботинках на резиновой подошве, пошел назад по коридору. Он открыл дверь и вошел в гостиную. Все та же обитая ситцем мебель, рояль, книжные полки, неприятные акварели. В камине неоклассического стиля сложены дрова, но огонь не горел. Несмотря на это, в комнате было тепло из-за центрального отопления и сильно пахло гиацинтами.

Царившие здесь чистота и порядок, дух благополучия, достатка и уюта, как и прежде, вызвали в его душе гнев и озлобление. Ему отчаянно хотелось увидеть брошенное вязание со спутанными нитками,

разбросанные газеты, собаку или кошку на старой подстилке. Но ничего подобного здесь не было. Лишь размеренное тиканье часов на каминной полке напоминало о ходе времени.

Стараясь не шуметь, он стал крадучись обходить гостиную. На рояле были расставлены фотографии. Мистер Арчер в цилиндре с гордостью показывает какой-то третьестепенный орден, врученный ему королевой в Букингемском дворце; его усы похожи на зубную щетку, на жилете — пятно на обширном жилоте. Юная миссис Арчер с весьма неясными чертами в подвенечном платье. Малыш на меховом ковре. И Жаннетт.

Он взял в руки стилизованный портрет и взгляделся в него. Хорошенькая, она всегда была хорошенькая. Даже сексуальная, но как-то по-своему, необычно. Он вспомнил ее ноги, необыкновенно красивые, и ухоженные руки. Но ничего больше вспомнить не мог. Ни ее голоса. Ни ее улыбки.

Он женился на ней, потому что ее родители не хотели, чтобы у нее был внебрачный ребенок. Когда они узнали, что их единственная обожаемая дочь завела роман с отвратительным Оливером Доббсом и фактически живет с ним, весь их аккуратный упорядоченный мирок рассыпался как карточный домик. Миссис Арчер слегла от нервного потрясения, а мистер Арчер, вспомнив недолгие годы, проведенные в армии, выпрямив спину и поправив галстук, пригласил Оливера пообедать в своем клубе в Лондоне.

Оливер, на которого состоявшийся между ними разговор не произвел никакого впечатления, впоследствии описал его совершенно беспристрастно, как сторонний наблюдатель. Даже тогда их беседа

казалась ему нереальной, как сцена из старомодного романа.

Жаннетт — их единственная дочь, начал издавека мистер Арчер. С ней связаны большие надежды. Конечно, не может быть и речи о взаимных упреках, да и не стоит сожалеть о том, что уже произошло. Это для него совершенно очевидно. Он знает, что Оливер из хорошей семьи, учился в престижной школе, и потому какой смысл ему работать в лавке, где торгуют жареной рыбой с картошкой?

Оливер возразил ему, что смысл в этом есть и заключается в том, что он писатель, а эта необременительная работа дает ему возможность заработать на жизнь, чтобы заниматься писательским трудом.

Мистер Арчер снова прокашлялся и завел речь о родителях Оливера. Оливер сказал мистеру Арчеру, что его родители живут в Дорсете и еле сводят концы с концами. Кроме того, они не могут простить его за непослушание. Они всегда жили на скромную пенсию военнослужащего и отказывали себе во всем, чтобы наскрести денег на обучение сына в престижной школе. Когда в семнадцать лет он ее окончил, они пытались уговорить его заняться каким-нибудь разумным, надежным делом. Например, пойти служить в армию, во флот, стать дипломированным бухгалтером высшей категории, банкиром, юристом. Но он хотел быть только писателем и, по существу, им уже был. Его решение обернулось для них горьким разочарованием. Потерпев поражение, они, что называется, умыли руки, отвернулись от сына, оставив его без гроша в кармане, и упорно не желали больше поддерживать с ним отношения.

На этом тема о родителях Оливера была исчерпана. Тогда мистер Арчер изменил курс и зашел с дру-

гой стороны. Любит ли Оливер Жаннетт? Будет ли он ей хорошим мужем?

Оливер ответил, что вряд ли он будет хорошим мужем, поскольку очень беден.

Мистер Арчер прокашлялся в третий, и последний раз и перешел к делу. Если Оливер согласится жениться на Жаннетт и стать законным отцом ребенка, мистер Арчер готов позаботиться о, так сказать, материальной стороне дела, чтобы молодые могли жить... гм... хорошо.

Оливер спросил, насколько хорошо? И мистер Арчер уточнил, пристально глядя в глаза Оливера, сидевшего напротив, при этом его нервные пальцы передвигали с места на место бокал, поправляли лежавшие на столе вилки, крошили хлеб. К тому времени как он закончил свои пояснения, на месте, где стоял его прибор, был хаотический беспорядок, но Оливер понял, что для него все складывается очень неплохо.

Живя в лондонской квартире с Жаннетт и получая ежемесячные поступления на свой банковский счет, он может бросить работу в рыбной лавке и закончить пьесу. У него уже была написана книга, которая все еще находилась у его агента. Но пьеса — это другое дело, ее надо довести до ума, пока она не выела душу, как отвратительная раковая опухоль. С ним всегда так. Он никогда не бывает доволен собой, если не живет двойной жизнью. Одна жизнь — реальная, с женщинами, едой, выпивкой и общением с друзьями в пабах; другая жизнь — населенная его персонажами, которые казались более живыми и симпатичными, чем те, с которыми ему приходилось встречаться в реальной жизни. И уж конечно, более интересными, по его мнению, чем Арчеры.

За обедом в клубе Оливер и мистер Арчер пришли к соглашению, которое потом было скреплено переводными векселями, юридическими бумагами и подписями. Жаннетт и Оливер своевременно вступили в брак, о чем была сделана соответствующая запись в книге актов гражданского состояния, и, похоже, именно это и нужно было Арчерам. Брачный союз просуществовал всего несколько месяцев, и Жаннетт еще до рождения ребенка вернулась в родительский дом. По ее словам, со скукой и одиночеством она еще могла мириться, но терпеть оскорбления и побои было выше ее сил.

Оливер почти не замечал ее отсутствия. Он продолжал жить в ее квартире и спокойно, без помех закончил пьесу. После этого он освободил квартиру, запер дверь, ключ отправил Жаннетт по почте и уехал. Ребенок родился, когда он был в Испании, и там же он прочел в газете недельной давности о гибели жены в авиационной катастрофе в Югославии. Жаннетт к тому времени была для него человеком, когда-то давно встретившимся ему на жизненном пути, и ее гибель не вызвала у него никаких эмоций. Эта женщина осталась в далеком прошлом.

К тому же он заканчивал уже второй роман. Подумав о Жаннетт минут пять, он с облегчением погружился в мир своих героев, гораздо для него более интересных, которые продолжали жить своей жизнью у него в голове.

Когда Хельга снова сошла вниз, он уже сидел в кухне у окна, спиной к солнцу, с удовольствием потягивая пиво. Дверь отворилась, и она появилась, держа на руках ребенка. Он был больше, чем предполагал Оливер, на нем был красный комбинезон с нагрудником и белый свитер. Волосы у него были

рыжеватые с золотистым отливом, как у новеньких пенсов, однако лица не было видно — малыш спрятал его, уткнувшись носом в восхитительную шею Хельги.

Она улыбнулась Оливеру, глядя на него поверх плеча ребенка.

— Он стесняется. Я сказала ему, что у нас гость, и он не хочет на вас смотреть.

Она наклонила голову к малышу:

— Ну же, глупенький, этот дядя хороший. Он будет с нами обедать.

Ребенок недовольно что-то промычал и еще глубже спрятал лицо у нее на груди. Хельга засмеялась, подняла его и посадила в высокий детский стул, чтобы он отпустил ее. Наконец малыш и Оливер посмотрели друг на друга. Томас оказался этаким крепышом с голубыми глазами. Оливеру еще не приходилось общаться с детьми. Никогда. И он сказал:

— Привет.

— Скажи дяде «здравствуйте», Томас, — подсказала Хельга и добавила: — Он не любит разговаривать.

Томас уставился на незнакомого дядю. Одна половина лица у него покраснелась — наверное, та, что лежала на подушке. От него пахло мылом. Хельга застегнула пластиковый нагрудник сзади на шее, а он, не отрывая глаз, смотрел на Оливера.

Хельга пошла к плите за обедом. Она вынула из духовки пастушью запеканку и брюссельскую капусту. Маленький кусочек запеканки она положила на круглую тарелочку, размяла его вилкой и поставила перед Томасом.

— Ну, теперь ешь, — сказала она, вкладывая ложку ему в руку.

— Он что, уже сам ест? — спросил Оливер.

— Конечно. Ему два года. Он уже не маленький, да, Томас? Ну-ка покажи дяде, как ты умеешь есть.

В ответ Томас положил ложку. Он не мигая смотрел на Оливера голубыми глазами, и Оливер почувствовал некоторую неловкость.

— Давай поедим, — сказал он.

Оливер поставил на стол кружку с пивом, взял ложку Томаса с размятым мясом и картошкой и поднес ее ко рту малыша; рот тут же открылся, и содержимое ложки оказалось внутри. Но и жуя, Томас продолжал неотрывно смотреть на Оливера. Оливер отдал ему ложку. Прожевав то, что было во рту, Томас улыбнулся, обнажив двойной ряд обворожительных белых зубок с застрявшей в них запеканкой.

Ставя перед Оливером тарелку с едой, Хельга заметила его улыбку:

— Ну вот, он признал вас другом.

Она принесла еще одну тарелку и села во главе стола.

— Он очень доброжелательный мальчик.

— А что он делает весь день?

— Играет, спит, днем гуляет в прогулочной коляске. Обычно его вывозит на прогулку миссис Арчер, но сегодня это сделаю я.

— Он любит смотреть картинки в книжках или еще что-нибудь?

— Да, любит, только иногда рвет их.

— А игрушки у него есть?

— А как же. Ему нравятся маленькие машинки и кубики. Вот мягкие игрушки — зайчики и мишки, к примеру, — он не любит. Я думаю, ему не нравится плюш, из которого они сделаны. Понимаете?

Оливер занялся пастушьей запеканкой, которая оказалась горячей и очень вкусной.

— А вы умеете обращаться с маленькими детьми? — спросил он.

— Дома в Швеции у меня есть младшие братья и сестры.

— А Томас вам нравится?

— Да, он славный малыш. — Она подмигнула Томасу. — Томас, ты ведь славный мальчик, да? Он почти никогда не плачет, как некоторые капризули.

— Наверное, ему скучно оттого, что его растят бабушка с дедушкой?

— Он еще слишком мал, чтобы знать, скучно ему или нет.

— Ну а когда он вырастет?

— Конечно, когда ребенок предоставлен сам себе, ему скучно. Но в Вудбридже есть и другие дети. Он заведет себе друзей.

— А вы обзавелись друзьями?

— Здесь есть еще одна девушка, которая, как и я, приехала сюда изучать язык и помогает по хозяйству за стол и квартиру. Мы вместе ходим на курсы.

— А друг у вас есть?

Она улыбнулась так, что на щеках обозначились ямочки.

— Мой друг остался дома, в Швеции.

— Он, должно быть, скучает без вас.

— Мы пишем друг другу. И потом, это ведь только на полгода. Через шесть месяцев я вернусь в Швецию.

— А как же Томас?

— Я думаю, миссис Арчер подыщет другую девушку вроде меня. Хотите еще запеканки?

Обед продолжался. На десерт девушка предложила фрукты, йогурт и сыр. Томас ел йогурт. Оливер очистил апельсин. Хельга, стоя у плиты, варила кофе.

— Вы живете в Лондоне?

— Да. У меня квартира на первом этаже недалеко от Фулем-роуд.

— И вы сейчас туда поедете?

— Да. Я неделю провел в Бристоле.

— Вы там отдыхали?

— Ну кто же ездит отдыхать в Бристоль в феврале? Нет, конечно. Я ездил внести кое-какую правку в мою пьесу, которую ставит театр «Фортуна». Актеры жаловались, что некоторые реплики трудно произносить, язык сломать можно.

— Так вы писатель? — Она широко раскрыла глаза. — Вы сочиняете пьесы? И их ставят в театре? Вы, наверное, хороший писатель.

— Хотелось бы так думать.

Оливер клал в рот дольки апельсина. Их вкус и горьковатый запах кожуры напомнил ему об Испании.

— Но главное, что думают другие. Критики и люди, которые платят за то, чтобы побывать в театре.

— А как называется ваша пьеса?

— «Гнутый пенс». Но не спрашивайте меня, о чем она, потому что слишком долго рассказывать.

— Мой друг тоже пишет. Он пишет статьи по психологии для университетского журнала.

— Они наверняка безумно интересны.

— Но это ведь совсем не то что писать пьесы.

— Не совсем то, конечно.

Томас съел йогурт, и Хельга вытерла ему рот, сняла нагрудник и вынула мальчика из детского стуль-

чика. Он подошел к Оливеру и, чтобы удержать равновесие, оперся руками о его колено. Сквозь поношенные джинсы Оливер ощутил тепло маленьких крепких пальчиков. Томас с любопытством поднял на Оливера глаза и улыбнулся, отчего обнажились ровные белые зубки, а на щеках появились ямочки. Он протянул руку, чтобы потрогать бородку Оливера, который слегка пригнулся, чтобы малыш мог до нее достать. Томас засмеялся. Оливер поднял его и усадил на колено. Он ощутил себя сильным и преисполненным душевного тепла.

Хельга была очень рада всем этим знакам дружеского расположения.

— Ну вот вы и подружились. Если бы у меня была здесь книжка, вы бы показали ему картинки, пока я соберу посуду и сложу ее в посудомоечную машину. Потом мы пойдем с ним гулять.

Оливер уже решил про себя, что ему пора уходить, но сказал: «Хорошо», и Хельга пошла искать книжку, оставив его наедине с Томасом.

Томасу очень понравилась борода Оливера. Тот поднял малыша и поставил к себе на колени, так что его глаза оказались вровень с глазами Томаса. Мальчик теребил бороду, а Оливер притворно вскрикивал. Томас заливался смехом. Он было снова потянул бороду, но Оливер поймал его руку и удержал в своей.

— Ах ты, разбойник, больно же!

Томас внимательно посмотрел ему в глаза.

— А ты знаешь, кто я? — тихо спросил Оливер, и Томас снова залился смехом, как будто этот вопрос был самой смешной шуткой.

Хельга вернулась с книжкой и положила ее на стол. Книжка была большая, в яркой глянцевой об-

ложке, с картинками, на которых были нарисованы домашние животные. Оливер открыл ее наугад, а Томас уселся к нему на колени и, навалившись грудью на стол, стал рассматривать картинки. Пока Хельга убирала тарелки и выскребала сковороду от остатков пастушьей запеканки, Оливер переворачивал страницы и называл нарисованных животных и прочие предметы, показывал на дом, калитку, дерево и копну сена. Когда они открыли картинку, где была нарисована собака, Томас залаял, а когда увидел корову, то замычал. Все было очень весело и забавно.

Потом пришла Хельга и сказала, что пора им с Томасом идти одеваться для прогулки. Она забрала Томаса и унесла наверх. Оливер остался сидеть в кухне, ожидая их прихода. Он смотрел на идеально прибранную кухню, на идеально ухоженный сад за окном и думал о том, что скоро Хельга уедет и на смену ей приедет другая девушка, тоже на полгода, и так до тех пор, пока Томасу не исполнится восемь лет. Тогда его отправят в какую-нибудь престижную, но, скорее всего, бесполезную подготовительную школу. Он представил, как его сына запустят в конвейер традиционного обучения, где он научится заводить нужных друзей, играть в нужные игры и — боже сохрани! — никогда не ставить под сомнение необходимость лишенных смысла традиций.

Оливеру посчастливилось этого избежать. В семнадцать лет ему удалось разорвать путы и вырваться на свободу только потому, что у него было непреодолимое желание писать и безудержное, неукротимое стремление идти своим путем.

А как сложится жизнь Томаса?